

Abstract

Currently, the important problems of network communication and the political elite are mainly outside the scope of comparative studies of political regimes. The purpose of the article is to identify the specifics of the adaptation of the elite and its political regime to the conditions of modern network communications. Based on the analysis of specialized literature, an intermediate conclusion is made – a functional approach, as a synthesis of structurally oriented and process-oriented aspects of the study of the political regime, becomes the most optimal analytical lens in the study of network communications. Based on the analysis of specialized literature, an intermediate conclusion is made – a functional approach, as a synthesis of structurally-oriented and process-oriented aspects of the study of the political regime, becomes the most optimal analytical lens in the study of network communications. The author's hypothesis is the assumption that the activity of representatives of the political elite in network communications poses serious risks for maintaining the democratic foundation of political regimes. To test the hypothesis, the methodological optics of quantitative content analysis was chosen. The classification of political regimes proposed by the authors of the Swedish scientific project Regimes of the World (RoW) is considered. In a study of the political communities of network communications, it was found that despite the existence of different types of political regimes, there is a general pattern – the predominance of large communities of political leaders. At the same time, communities of parliaments and courts are mostly less popular. This phenomenon is associated by the author with the systemic risks of democracy – the effect of «technological overlap» and the growth of populism. It is emphasized that the legitimization of the political regime in many respects already occurs with the active adaptation of the political elite to the digitalization process. In the framework of the «Network Polis» model, the discussion problems of combining democracy and virtual network communities are considered.

Keywords: elite, Internet, social communities, political elite, Internet communications, political regime, digitalization.

Введение

Политический режим – наиболее дискуссионный феномен в современной академической политологии. Теоретические дуэли по поводу его определения, сущности, классификации и измерения не утихают до сих пор. Ведутся споры по его роли и месту в политической системе, связи с политической элитой, функции в условиях набирающих популярность сетевых коммуникаций Интернета. Так или иначе политический режим гораздо уже и динамичней политической системы. Элита, как господствующая группа в обществе, создает свой политический режим, чтобы контролировать политические институты политической системы – государство и правительство, парламент и партии, армию, политических лидеров, судебную систему. Но с приходом цифрового общества и сетевых коммуникаций этот контроль испытал известные метаморфозы. Развитие Интернета привело к тому, что элита стала вынуждена приспосабливаться к фактору существования параллельных коммуникационных каналов, конструируя более гибкий политический режим, который, в свою очередь, уходил от силовых практик в сторону более изоцированного контроля информационной среды и политической повестки. Сетевые коммуникации – это в основном тип неиерархической, горизонтальной коммуникации, подразумевающей массовый процесс взаимодействия ее участников. В феномене сетевых коммуникаций нет ничего нового. Это довольно древнее явление. О сетевых, по сути, отношениях писал в своих работах еще П.Д. Турчанинов [9].

Целью настоящей статьи будет выявление специфики адаптации элиты и ее политического режима к условиям современных сетевых коммуникаций. В качестве рабочей гипотезы предлагается тезис, согласно которому активность представителей политической элиты в сетевых коммуникациях создает серьезные риски для сохранения демократической основы политических режимов. Итак, для начала нужно рассмотреть основные подходы к трактовке политического режима, чтобы разобраться, насколько они

могут быть адаптированы к исследованию политических элит в условиях распространения сетевых коммуникаций.

Можно констатировать, что современное политологическое сообщество разделилось на несколько теоретико-методологических направлений в своих исследованиях, посвященных политическим режимам. Такое разделение во многом обусловлено спецификой развития национальных научных школ и творчеством тех авторитетов, которые оказывают ощутимое влияние на проекты и разработки по данной тематике. Цитирование популярных работ в определенном смысле подтверждает это предположение. Но и авторитетные специалисты, интересующиеся политическими режимами, также формируются как ученые в условиях множества факторов. Среди таких факторов можно назвать мировоззренческие условия, обуславливающие понимание самой политической власти и отношение к ней ученого сообщества в конкретной стране. Это политическая культура, особенности исторического процесса конкретной страны, традиции, религия, социальные паттерны. В качестве других факторов логично вычлнить уровень финансирования исследований по аспектам политических режимов, характер заказчиков таких проектов (государство, неправительственные организации, зарубежные фонды), а также степень международной академической коллаборации, наличие относительно общей научной методологии между учеными самых разных стран. Немаловажным фактором является существование прочного сложившегося политологического сообщества с различными научными школами, обеспечивающих академическую преемственность не просто по принципу цитирования, а по принципу сохранения и совершенствования общих методологий, теоретических моделей и процедур эмпирических исследований между профессорско-преподавательским коллективом, аспирантами, магистрами и бакалаврами. Также чрезвычайно значительным условием выступает активность профессиональных ассоциаций, способных продвигать и защищать интересы политологического сообщества.

Отсутствие ясности в дефиниции политического режима и однозначности в его классификациях [22] порождает дополнительные проблемы, когда такие, казалось бы, современные и важные темы как сетевые коммуникации и политическая элита буквально выводятся за рамки сравнительных исследований режимов.

Обзор политологической литературы

С. Скаанинг отмечает, что политический режим – это институционализованный набор формальных и неформальных базовых правил, характеризующих лиц, обладающих доступом к политической власти и самостоятельностью в принятии окончательных политических решений, устанавливающих порядок назначения на ключевые политические должности, а также горизонтальные и вертикальные ограничения осуществления самой политической власти (уровень политических свобод населения и особенности разделения властей). Иными, по Скаанингу, портрет политического режима определяется: а) доступом граждан к власти, набором неформальных и формальных правил, обозначающих субъектов политики; б) структурированием коммуникации в центре политической власти (судебной, исполнительной, законодательной); в) характером взаимоотношений власти с социумом; г) спецификой правителей, позволяющей определить автократический либо демократический стиль назначения на ключевые должности [32]. Масса исследований о политическом режиме может быть сгруппирована по признаку специфики проблемного поля, на котором, как правило, предпочитают останавливаться авторы: институциональные, инструментальные и функциональные.

Институциональный (структурно-ориентированный, дихотомийный) подход появился первым и его в основном интересует сущность политического режима, «черный ящик» политической системы (А. Токвиль, М. Дюверже, Дж. Сартори, М. Альварес, А. Пшеворский, Ж.-Л. Кермонн, Ф. Шмиттер, Г. О’Доннелл, П. Калверт, Р. Коллиер, Д. Коллиер, Г.Н. Манов, Д.А. Керимов) [11; 13; 16; 20; 29]. Как справедливо пишет Дж. Босч,

это, по сути, дихотомийный подход, представители которого выявляют общую сущность политического режима, степень демократичности существующей властной системы [14]. Г. Китчелт указывает, что структурно-ориентированные ученые предпочитают макроколичественные и концептуальные сравнения, учитывают то, как исторические акторы выстраивают свои стратегии в зависимости от доступных им ресурсов [23]. Иногда степень демократизации режима исследователи рассчитывают на основании факта выборности legislatures, главы государства, наличия многопартийности, чередования полномочий избираемых политиков [16]. Однако Босч критикует сторонников такого подхода, полагая, что политические лидеры и партии, становясь все более авторитетными и влиятельными, могут в конце концов подорвать основы демократического режима. Ученый также замечает, что жесткий дихотомийный подход не учитывает процессы демократизации авторитарных режимов. Босч не считает дихотомийный подход гибким для исследования политических режимов, так как он, по его мнению, не выходит за рамки первой характеристики Скаанинга, данной им в определении политического режима.

Институционалисты не всегда объясняют наличие в демократических и авторитарных режимах схожего феномена – политической элиты. Однако элита, как господствующая группа, обладающая политическими, финансовыми и медийными ресурсами для контроля общества в собственных целях, в рамках институционализма может рассматриваться как антидемократический элемент. М. Кастельс как раз пишет об особой «сетевой элите», способной контролировать значительные коммуникационные узлы. Элита подчиняет своим интересам политические институты, конструируя для этой цели свой политический режим, поэтому исходя из принципов инструментализма логично изучать те структуры, куда проникают ее представители, особенно медийные структуры – интернет-корпорации, крупные медийные конгломераты. При этом роль сетевых коммуникаций далеко не так однозначна. С одной стороны, провластные политики в условиях авторитарного режима могут использовать сетевые интернет-платформы для дополнительной легитимации, а оппозиционные с целью повышения степени своей узнаваемости. С другой стороны, феномен популизма в рамках развитых сетевых коммуникаций демократических режимов может сформировать новые авторитеты, способные составить угрозу демократии.

Инструментальный (социологический, процессно-ориентированный, трихотомийный) подход более гибок чем институциональный (дихотомийный) и в основном сосредоточен на рассмотрении учеными приемов, технологий властвования (Р. Даль, Т. Карл, Ф.М. Бурлацкий, А.Л. Громыко, В.Г. Ледаев, К.В. Мельников, М. Касиоровски, С. Левицки, Л. Вэй, А. Шедлер, Дж. Домингес) [10; 15; 17; 19; 25; 30]. Исследователи стали выходить за рамки дихотомийного подхода в конце холодной войны. Согласно этому подходу, политический режим – это определенный набор методов и приемов по осуществлению в обществе политической власти. Разнообразные методы и технологии осуществления власти, таким образом, могут порождать гораздо более разнообразные (гибридные) типы политических режимов, выходящие за границы жесткой дихотомии «демократия – авторитаризм». В своих работах о несилowych и силовых методах власти пишет Р. Даль. Особенно большое значение сыграли его исследования в области режимов полиархий. Ф.М. Бурлацкий обращает внимание на тот факт, что в российской политологии дефиниция политического режима изначально также больше увязывалась с методами действующей власти [6]. Как видно, в этом случае исследователи больше ориентированы на понимание того, какими методами власть контролирует существующие политические процессы. Не случайно процессно-ориентированные ученые занимаются анализом процесса демократизации, факторов, приводящих к трансформации политического режима, технологий манипуляций, когнитивными исследованиями [23]. Дж. Босч соглашается в этом с Г. Китчелтом, по сути, подразумевая под инструментальным подходом трихотомийный. Босч при этом добавляет, что сторонники данного подхода кроме демократии и авторитаризма, как правило, выделяют их переходную разновидность – так называемые гибридные режимы [14]. Важной работой по этому аспекту стала статья

С. Левицки и Л. Вэй, где они ввели категорию «a level playing field» (ровного игрового поля), когда авторитарный режим сочетает подражание демократическим процедурам, патронажа, систему привилегий, умаление демократии со стороны финансовых и медийных интересантов [25]. Левицки и Вэй среди гибридных политических режимов называли гегемонистский и конкурентный. Если в первом они видели лишь фасад демократии, то во втором – порядок, когда политическая элита обеспокоена степенью неопределенности избирательного процесса. А. Шедлер в отличие от закрытого авторитарного режима в электоральном авторитарном режиме допускает многопартийность, политическое инакомыслие, гражданское общество и выборный процесс [30]. При этом Дж. Домингеса больше волнует другой тип гибридного режима – либеральная демократия, которую он помещает между демократией и диктатурой [17]. Кроме того, Домингес предупреждает, что медиаолигополии, зависимые от крупного капитала, сводят партийную конкуренцию к поверхностной внутрипартийной конкуренции и плебисцитарным приемам.

Инструменталисты могут подробно изучать разнообразные приемы воздействия политтехнологов на общественное сознание. Контроль политической повестки посредством монополии представителей власти в информационной сфере может проявляться в фактах существования популярных провластных блогеров, видеоблогеров, владельцев и активных пользователей интернет-форумов, сообществ социальных сетей, имиджбордов. Между тем инструменталисты в основном рассматривают проблему технологий политического режима в отрыве от основного их субъекта – политической элиты.

Функциональный (полихотомийный) подход больше интересуют функции политического режима (Г. Лассуэлл, Д. Истон, Т. Парсонс, Дж. Линц, Г. Блумер, Э. Степан, К. фон Гальденванг, Н.А. Баранов, А.И. Соловьев) [3; 4; 24; 26]. Здесь политический режим означает некий порядок функционирования политической системы. Примечательно, что в отличие от институционального и инструментального подходов функциональный большее значение уделяет культурной сфере, политической культуре, традициям, ценностям, символической составляющей. Лассуэлл исходил из того, что сама функциональность политического режима направлена на минимизацию силовых приемов в политике. Среди функций режима он выделял: а) наблюдение за обществом; б) организацию коммуникации частей социума; в) заботу о сохранении опыта предшествующих поколений [24]. Определенным мостом, связывающим институциональный подход с функциональным, являются работы Т. Парсонса. Американский ученый в своем структурном функционализме перечислял не только системообразующие, но и функциональные элементы, отвечающие за контроль в обществе: политику, экономику и культуру. Функцией легитимации порядка обладает, согласно Парсонсу, культура, которая формирует интерпретации значений. Действительно, парсоновское видение способно в одном подходе интегрировать политическую элиту (характер неформальной структуры) и различные технологии ее воздействия на общество (конкретный функциональный механизм политического режима элиты). Босч отмечает, что полихотомийный подход охватывает наиболее разнообразный исследовательский формат, но останавливается в основном на вопросах распределения власти, показывающего отношение режима к иным компонентам политической системы. Босч уверен, что полихотомийные классификации учитывают все четыре признака политического режима, данные в определении Скаанингом. Вклад в развитие этого подхода сделали работы Г. Блумера по символическому интеракционизму. Блумер исходит из того тезиса, что базовой функцией социума является создание общественного мнения, а функцией социальной коммуникации выступает формирование поведенческих моделей членов общества [4].

Представляется, что принципы функционального подхода в большей мере способны в интерпретации различных процессов сочетать: а) фактор наличия активного субъекта

управления – политическую элиту; б) интернет-пользователей, как объект политико-технологического управления; в) каналы воздействия – популярные у граждан социальные сети, блоги, видеохостинги, форумы, тлоги, имиджборды; г) технологии, приемы и разнообразные методы воздействия элиты на общественное сознание посредством массовых сетевых коммуникаций; д) ценностную матрицу политической элиты, сетевых сообществ и их пользователей.

Как синтез структурно-ориентированных и процессно-ориентированных сторон исследования политического режима, функциональный подход становится более оптимальной аналитической линзой. Он помогает понять, каким образом политическая элита как особая группа посредством технологий и коммуникаций устанавливает свой режим – порядок функционирования политической системы. Данный порядок включает совокупность формальных и неформальных процессов, приемов и структур, определяющих доступ населения к механизму принятия политических решений. Результатом функционирования этого порядка становится роль граждан и их групп в институтах политической системы – государстве и его правительстве, партиях, парламенте, институте лидерства. Порядок предполагает систему политического просвещения, образования и воспитания. Эта система определяет уровень вовлеченности гражданских масс в работу перечисленных институтов, который влияет на развитие и воспроизводство демократических или других политических традиций и подключение разнообразных групп населения к механизму разработки и принятия политических решений. Тогда как легитимируется этот порядок посредством разнообразных технологий и коммуникаций, приобретающих сетевой характер в процессе цифровизации. Функциональный срез позволяет лучше понимать взаимосвязь таких явлений как элита, политический режим и виртуальные сетевые сообщества. Тем не менее авторы разделяются во мнениях по поводу того, как интернет-коммуникации и виртуальные сообщества влияют на устойчивость политических режимов. Одни полагают, что сетевые сообщества способны дестабилизировать авторитарные режимы посредством распространения антиправительственного дискурса и акций, организованных через интернет-коммуникации [28]. Другие, напротив, уверены, что интернет-коммуникации могут в условиях демократических режимов создать новый совершенный механизм взаимодействия власти и общества [34].

Интересной проблемой здесь является выявление роли представителей политической элиты в конструировании политического режима посредством виртуальных сообществ сетевых коммуникаций. Первые работы, затрагивающие взаимосвязь элит, режимов и коммуникации либо сводили анализ коммуникаций к выявлению пропаганды и манипуляций [33], либо игнорировали роль медиа и социальных сетей, будучи сосредоточенными на вопросах консолидации элит [21]. Более поздние работы рассматривали коммуникационные стратегии элиты (интенсивность, тональность и др.) в отрыве от специфики того политического режима, где элита контролирует коммуникационные каналы. Порой в коммуникационном аспекте изучаются противоречия легитимности элиты и международных организаций [31]. Примечательно, что современные российские политологи все больше обращаются к компьютерному моделированию и эмпирическим приемам получения данных о политической элите [8].

Методы

В качестве методологической оптики был выбран контент-анализ виртуальных сообществ в сети Twitter, где подсчитывалось количество подписчиков. Работы Ф. Керлингера, Б. Берельсона, К. Криппендорфа и Г. Лассуэлла послужили здесь важным методологическим подспорьем. Интересовали, прежде всего, сообщества, отражающие функциональность политического режима, а именно группы, представляющие политические институты конкретной страны (государство и его правительственные

ведомства, партии, парламент, суды, армия). Контент-анализ сообществ социальных сетей проводился в январе-феврале 2020 г.

С целью проверки гипотезы о формировании сетевых рисков для демократических режимов были выбраны разные режимы, представленные в недавней работе авторов шведского научного проекта Regimes of the World (RoW): закрытая автократия (Йемен), электоральные автократии (Россия, Казахстан), электоральные демократии (Бразилия, ЮАР) и либеральные демократии (США, Франция, Австралия) [27]. Учитывая полихотомийный характер данной классификации, можно ее отнести к функциональному подходу. Понятно, что данное разделение политических режимов, предпринятое шведскими политологами из Гётеборгского университета, во многом условно. Так, по некоторым признакам (большая роль крупных капиталистических корпораций, в том числе и медийных, воздействие их на политический процесс, доминирование лишь двух партий, фактор выборщиков, применение со стороны элиты манипулятивных технологий по отношению к своему электорату) те же Соединенные Штаты могут иметь ряд признаков электорального автократического режима, а Россия, если брать в расчет многопартийность, выборы, постепенное развитие электронной демократии (порталы roi.ru, iGrajdantin.ru, dobrodel.mosreg.ru, GOROD.MOS.RU и др.) может считаться политическим режимом, где все же есть тенденции по формированию электоральной демократии, несмотря на все существующие проблемы. Для данного исследования важно другое – обнаружить во всех этих разновидностях политических режимов схожие закономерности в плане адаптируемости элиты к новым сетевым условиям.

Результаты анализа

Данные количественного контент-анализа (см. табл.) свидетельствуют, что наиболее популярными политическими сообществами Twitter, которые использует элита для позиционирования контролируемых ею политических институтов, являются сетевые группы политических лидеров (Дмитрий Медведев, Donald Trump, Scott Morrison, Emmanuel Macron, Jair M. Bolsonaro, Qasym-Jomart Toqayev, Cyril Ramaphosa, منصور عبدربه هادي). Ведомственные, правительственные сообщества также представляют интерес для интернет-пользователей (МИД России, The White House, NASA, Queensland Police, Élysée, Gouvernement, Polícia Federal, PrimeMinister.kz). Сетевые сообщества парламентов и партий имеют меньшее число подписчиков. Наименьший интерес интернет-пользователи проявляют к сообществам судов (кроме Бразилии).

Таблица

Популярные политические виртуальные сообщества

Twitter-сообщество	Число подписчиков
Россия	
КПРФ	85 тыс.
Совет Федерации	144 тыс.
Единая Россия	155 тыс.
Правительство России	606 тыс.
Минобороны России	607 тыс.
Государственная дума	919 тыс.
Dmitry Medvedev	1 млн
МИД России	1,1 млн
Президент России	3,3 млн
Дмитрий Медведев	4,7 млн
США	
United States Courts	6,7 тыс.
Senate Republicans	978,6 тыс.
Senate Democrats	1 млн

Library of Congress	1,2 млн
U.S. Army	1,5 млн
Democratic Party	1,7 млн
Republican Party	2,2 млн
US Department of State	5,6 млн
The White House	20 млн
NASA	34,9 млн
Donald Trump	71,7 млн
Австралия	
High Court of Australia	3 тыс.
The Nationals	30 тыс.
Australian Senate	33,9 тыс.
Australian House of Representatives	46,5 тыс.
Australian Army	46,5 тыс.
Bureau of Meteorology, Queensland	131,6 тыс.
Australian Labor	150 тыс.
Queensland Police	202,5 тыс.
Scott Morrison	263,6 тыс.
Франция	
Cour de cassation	114 тыс.
La République en Marche!	273,4 тыс.
Assemblée nationale	277,5 тыс.
Sénat de la France	427,2 тыс.
Gendarmerie nationale	446,9 тыс.
Gouvernement	629,3 тыс.
Élysée	2,4 млн
Emmanuel Macron	4,5 млн
Бразилия	
Partido Social Liberal - PSL	170 тыс.
Governo do Brasil	209,8 тыс.
MDB Nacional	430 тыс.
Exército Brasileiro	831,3 тыс.
Câmara dos Deputados	844,4 тыс.
Senado Federal	850,3 тыс.
Planalto	985,9 тыс.
Polícia Federal	1,5 млн
STF	1,9 млн
Jair M. Bolsonaro	5,9 млн
Казахстан	
ҚР Жоғарғы Соты	734
Қазақстан Сенаты	16,3
ҚР Мәжілісі	20 тыс.
Nur Otan	20 тыс.
PrimeMinister.kz	75,5 тыс.
Qasym-Jomart Toqayev	141,1 тыс.
ЮАР	
Constitutional Court	52,7 тыс.
South African Government	294 тыс.

Parliament of RSA	596,8 тыс.
African National Congress	760 тыс.
Cyril Ramaphosa	864,3 тыс.
PresidencyZA	1,2 млн
Йемен	
هادي منصور عبدربه (президент Абд-Раббу Мансур Хади)	525 тыс.
نت المؤتمر (партия «Всеобщий народный конгресс»)	45 тыс.

Интерпретация, дискуссионные моменты и выводы

Проведенный контент-анализ обозначил одну важную проблему – высокую популярность сообществ политических лидеров во всех политических режимах. Как же можно это интерпретировать? Прежде всего, следует обратить внимание на то, что авторская гипотеза в основном подтвердилась – активность представителей политической элиты в сетевых коммуникациях создает серьезные риски для сохранения демократической основы политических режимов. Если взять условную классификацию *Regimes of the World*, то везде – в закрытых автократиях, электоральных автократиях, электоральных демократиях и либеральных демократиях – есть фактор доминирования сетевых сообществ политических лидеров и глав государства. Логично обозначить, что современные элиты, представителями которых, по сути, являются многие политические лидеры, используют сетевые коммуникации и их виртуальные сообщества для укрепления собственных властных позиций. А именно – элиты вкладывают больше ресурсов в имидж-позиционирование и бренд-позиционирование тех политиков и партий, которые защищают их интересы. Такой тренд, существующий абсолютно во всех современных политических режимах, вызывает определенные опасения за судьбу демократических традиций, процедур и практик. Авторитет харизматичного политического лидера, подкрепленный условиями популярных интернет-коммуникаций, порождает своеобразный эффект «технологического перехлеста», когда инновационные технологии вместо того, чтобы формировать оптимальную политическую коммуникацию между гражданским обществом и властью, напротив, создают условия для манипуляций со стороны антидемократических сил.

Эффект «технологического перехлеста» тесно переплетен и с таким феноменом как популизм. По мнению исследователей, популизм логично связывать не с конкретной идеологией, а с управляемым дискурсивным фреймом в виде готового шаблона, модели интерпретации, помогающей интернет-пользователям намного проще и быстрее усваивать сложную информацию [12]. Популизм предполагает широкий диапазон проблем и вопросов, которые могут использоваться в борьбе за электорат. Возможно, по этой причине ряд авторов выделяют не только разные виды политического режима, но и предлагают классификацию популизма, выделяя в нем электоральный, либертарианский, антиплюралистический, авторитарный, ксенофобский и ностальгический типы [18]. Результаты контент-анализа политических сообществ как раз свидетельствуют, что сетевые условия для популизма есть во всех типах политических режимов. Элита использует своих популистских лидеров для контролирования политической повестки. Популисты предлагают именно те вопросы и проблемы, которые не несут фундаментальной угрозы для политического режима элиты. Поэтому одним из перспективных направлений исследования элиты в сети представляется сегмент фрейминга [5].

Легитимация политического режима во многом уже происходит при условии адаптации политической элиты к среде сетевых коммуникаций. Естественно, что элита, стремясь

сохранить свое положение в социуме, будет создавать и контролировать разнообразные коммуникационные площадки в виде сообществ, презентующих функционирование ее политического режима как оптимального механизма с эффективной работой политических институтов – от правительства до парламента, партий и политических лидеров. Наиболее дискуссионным моментом при этом является результативность такого проникновения представителей элиты – политических лидеров – в сетевые коммуникации. С одной стороны, представительство политиков, правительства и его ведомств, партий в сетевых коммуникациях создает новые возможности для конструирования постоянной «обратной связи» между государством и обществом, однако, с другой стороны, политическая элита, как властная группа, в любом случае по своей природе антидемократична, поэтому, обладая материальными, интеллектуальными, управленческими, идеологическими, технологическими и прочими ресурсами, она нацелена использовать плоды цифровизации в собственных, а не общественных интересах. В итоге в условиях сетевых коммуникаций политический режим, чтобы выстоять против информационных войн, фейков, всевозможных политических интриг со стороны радикальной оппозиции, хакеров, вынужден конструировать особый «сетевой полис» (по образу античного), в котором есть как автократический элемент (элита), так и демократический элемент (кибердемос – интернет-пользователи и их дискурс). Сетевые сообщества складываются в этот «сетевой полис» наподобие эхо-камер, где модераторы следят за правилами, дискурсом и имеют власть бана, удаления участника из виртуальной группы. Эхо-камеры тем самым работают на формирование однородной политической субкультуры, которая может легитимировать политический режим. Что чрезвычайно важно, так как технологии раскрутки «цветных революций» также организовываются радикалами через сетевые коммуникации. Поэтому политический режим может выстоять в условиях цифровизации только если будет использовать ее принципы и механизмы.

Существует и другой дискуссионный момент. С одной стороны, в обществе есть запрос на технологический прогресс. Это необходимо для создания мощной и всеохватной политической коммуникации. Для чего, в свою очередь, нужны IT-корпорации, специализирующиеся на такого рода разработках. Но, с другой стороны, эти же корпорации больше заинтересованы в максимизации прибыли, а не развитии демократических практик и традиций на новом технологическом уровне. Техники поведенческого сетевого анализа и оптики Big Data во многом нацелены на получение компаниями коммерческих преимуществ. При этом акторы политического режима, заинтересованные в легитимации, как правило, используют опыт IT-корпораций в анализе социальных сетей. Появляется вопрос предотвращения манипуляций и сочетания демократических практик с условиями новой сетевой коммуникационной среды [7]. Вполне возможно, что какие-то перспективы здесь реальны при грамотном конструировании цифровой среды для демократии. И большим подспорьем в этом случае будет шифрование такого рода коммуникации. Прецеденты защиты таких моделей есть в сфере блокчейн [2], что важно для прогрессивной трансформации избирательного механизма [1]. Но одного шифрования для торжества демократических практик и традиций, конечно, будет недостаточно. Важно популяризировать демократические навыки, создать стратегию комплексного политического просвещения, воспитывающую именно ответственного гражданина, а не политического потребителя.

Резюмируя сказанное, важно отметить, что современная цифровизация – довольно неоднозначный процесс. Несмотря на всю внешнюю демократичность сетевых коммуникаций, феномен цифрового неравенства сохраняется. Но он наблюдается не только в факте отсутствия доступа населения какой-либо страны или ее региона к Интернету, а в факте сохранения элиты, обладающей всеми нужными ресурсами – политическими, материальными, интеллектуальными, технологическими – для управления политическим поведением граждан посредством социальных сетей, а также основной массы пользователей, которая такими ресурсами не обладает. Кроме того, элита

контролирует политический режим в цифровых условиях благодаря формированию арен коммуникаций, входящих в общий «сетевой полис». Поэтому в настоящее время назрел вопрос повышения медиаграмотности среди широких масс населения во избежание распространения практики манипуляций и драматической режимной трансформации политических институтов.

Литература

1. *Алексеев Р.А.* Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование): монография. – Москва: ИНФРА-М. 2019. – 211 с.
2. *Алексеев Р.А.* Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №4. – С. 12–23.
3. *Баранов Н.А.* Современная демократия: эволюционный подход. – Санкт-Петербург: Балт-ий. госуд. технический ун-т. 2007. – 208 с.
4. *Блумер Г.* Символический интеракционизм: перспектива и метод. /Пер. с англ. А.М. Корбута. – Москва: Элементарные формы. 2017. – 346 с.
5. *Бодрунова С.С.* Термин «фрейминг» в политической коммуникативистике: рождение и созревание большой идеи в теории медиаэффектов //Журнал политических исследований. – 2019. – №4. – С. 127–141.
6. *Бурлацкий Ф.М.* О политической науке: Избранные произведения. – Москва: Изд. Моск. унив. 2013. – 328 с.
7. *Володенков С.В.* Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций //Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2. – №3. – С. 1–8.
8. *Жуков Д.С., Сельцер Д.Г.* Системная динамика российской региональной элиты (1985 – 2019 гг.): альтернативные сценарии //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №4. – С. 40–74.
9. *Матюхин А.В.* Левее левого: ассоциационный анархизм П.Д. Турчанинова //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №4. – С. 118–126.
10. *Мельников К.В.* Институциональный выбор и исходы режимных трансформаций в посткоммунистических обществах: сравнительный анализ российского и молдавского случая //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №4. – С. 24–39.
11. *Alvarez M., Cheibub J. A., Limongi F., Przeworski A.* Classifying Political Regimes //Studies in Comparative International Development. - 1996. - Vol. 31. - Iss. 2. - P. 3–36. DOI: 10.1007/BF02719326.
12. *Aslanidis P.* Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective //Political Studies. - 2016. – Vol. 64. - Iss. 1. - P. 88-104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224.
13. *Boix C., Miller M., Rosato S.* A Complete Data Set of Political Regimes 1800–2007 //Comparative Political Studies. - 2012. - Vol. 20. - Iss. 10. - P. 1–32. DOI: 10.1177/0010414012463905.
14. *Bosch J. Van den.* Mapping Political Regime Typologies //Przegląd Politologiczny. - 2014. - №4. - P. 111–124. DOI: 10.14746/pp.2014.19.4.8.
15. *Cassani A.* Hybrid what? Partial consensus and persistent divergences in the analysis of hybrid regimes //International Political Science Review. - 2013. - Vol. 35. - Iss. 5. - P. 542-558. DOI: 10.1177/0192512113495756.
16. *Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R.* Democracy and dictatorship revisited //Public Choice. - 2010. - Vol. 143. - №1/2. - P. 67-101. DOI: 10.1007/s11127-009-9491-2.
17. *Domingues J.M.* Political Regimes and Advanced Liberal Oligarchies //Constellations. – 2018. - Vol. 26. – Iss. 1. P. 78–93. DOI: 10.1111/1467-8675.12379.

18. Gagnon J.-P., Beausoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. What is Populism? Who is the Populist? //Democratic Theory. - 2018. – Vol. 5. – Iss. 2. - P. VI–XXVI. DOI: 10.3167/dt.2018.050201.
19. Gasiorowski M.J. An overview of the political regime change dataset //Comparative Political Studies. - 1996. - Vol. 29. - Iss. 4. - P. 469–483. DOI: 10.1177/0010414096029004004.
20. Hadenius A., Teorell J. Pathways from authoritarianism //Journal of Democracy. - 2007. - Vol. 18. - Iss. 1. - P. 143–157. DOI: 10.1353/jod.2007.0009.
21. Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns //American Sociological Review. - 1989. - Vol. 54. - №1. - P.17-32. DOI: 10.2307/2095659.
22. Kailitz S. Classifying political regimes revisited: legitimation and durability //Democratization. - 2013. - Vol. 20. - Iss. 1. - P. 39–60. DOI: 10.1080/13510347.2013.738861.
23. Kitschelt H. Political Regime Change: Structure and Process-Driven Explanations? //American Political Science Review. - 1992. - Vol. 86. - Iss. 4. - P. 1028-1034. DOI: 10.2307/1964354.
24. Lasswell H. The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis. - College Park, Maryland: University of Maryland Press. 1956. 23 p.
25. Levitsky S., Way L.A. Competitive Authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War, - Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 536 p. DOI: 10.1017/CBO9780511781353.
26. Linz J.J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe. – Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1996. 504 p.
27. Lührmann A., Tannenberg M., Lindberg S.I. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes //Politics and Governance. - 2018. - Vol. 6. - Iss. 1. - P. 1-18. DOI: 10.17645/pag.v6i1.1214.
28. Ruijgrok K. From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes //Democratization. - 2017. – Vol. 24. – Iss. 3. - P. 498-520. DOI: 10.1080/13510347.2016.1223630.
29. Sartori G. The theory of democracy revisited. - Chatham, NJ: Chatham House. 1987. 542 p.
30. Schedler A. Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition. - L.: Lynne Rienner Publishers. 2006. 267 p.
31. Schmidtke H. Elite legitimation and delegitimation of international organizations in the media: Patterns and explanations //The Review of International Organizations. - 2019. - Vol. 14. – Iss. 4. – P. 633–659. DOI: 10.1007/s11558-018-9320-9.
32. Skaaning S. Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework //CDDRL Working Papers. Freeman Spogli Institute for International Studies. - Stanford: Stanford University. 2006. - P. 13-15.
33. Speier H. International Political Communication: Elite vs. Mass //World Politics. - 1952. - Vol. 4. – Iss. 3. - P. 305-317. DOI: 10.2307/2009125.
34. You Y., Wang Z. (n.d.). The Internet, political trust, and regime types: A cross-national and multilevel analysis //Japanese Journal of Political Science. - 2019. - Sep. 14. - P. 1-22, DOI: 10.1017/S1468109919000203.

References

1. Alekseev R.A. *Izбирatel'naya sistema kak faktor stanovleniya i razvitiya rossiyskoy demokratii (sravnitel'noe politiko-pravovoe issledovanie): monografiya* [The electoral system as a factor in the formation and development of Russian democracy (comparative political and legal research): monograph]. M., INFRA-M Publ., 2019, 211 p. (In Russian).
2. Alekseev R.A. Aprobatsiya tekhnologii blokcheyn na vyborah v Moskovskuyu gorodskuyu dumu v 2019 g.: rezul'taty i perspektivy primeneniya dlya federal'nogo izbiratel'nogo protsesssa. [Approbation of blockchain technology in the elections to the Moscow city Duma in 2019: results and application prospects for the federal electoral process]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 12-23. (In Russian).

3. Baranov N.A. *Sovremennaya demokratiya: evolyutsionnyy podkhod* [Modern democracy: an evolutionary approach]. SPb., Balt. gos. technical university Publ., 2007. 208 p. (In Russian).
4. Bloomer G. *Simvolicheskiy interaksionizm: perspektiva i metod* [Symbolic interactionism: perspective and method] / Per. s angl. A.M. Korbuta. M., Elementarnye formy Publ., 2017, pp. 38-46. (In Russian).
5. Bodrunova S.S. Termin «freyming» v politicheskoy kommunikativistike: rozhdenie i sozrevanie bol'shoy idei v teorii mediaeffektov [Framing as a term in political communication studies: How a big idea grew and matured in the media effects theory] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 127-141. (In Russian).
6. Burlatsky F.M. *O politicheskoy nauke: Izbrannye proizvedeniya* [On Political Science: Selected Works]. M., Mosk. univ. Publ., 2013, 328 p. (In Russian).
7. Volodenkov S.V. Massovaya kommunikatsiya i obshchestvennoe soznanie v usloviyakh sovremennykh tekhnologicheskikh transformatsiy. [Mass communication and public consciousness in the conditions of modern technological transformations]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2018, V. 2, I. 3, pp. 1-8. (In Russian).
8. Zhukov D.S., Sel'tser D.G. Sistemnaya dinamika rossiyskoy regional'noy elity (1985 – 2019 gg.): al'ternativnye stsennarii [System dynamics of the Russian regional elite (1985 - 2019): alternative scenarios] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 40-74. (In Russian).
9. Matyukhin A.V. Levee levogo: assotsiatsionnyy anarkhizm P.D. Turchaninova [To the left of the left: P.D. Turchaninov's associative anarchism] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 118-126. (In Russian).
10. Mel'nikov K.V. Institutsional'nyy vybor i iskhody rezhimnykh transformatsiy v postkommunisticheskikh obshchestvakh: sravnitel'nyy analiz rossiyskogo i moldavskogo sluchaya [Institutional choice and regime outcomes in post-communist societies: comparative analysis of the cases of Russia and Moldova] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 24-39. (In Russian).
11. Alvarez M., Cheibub J. A., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes, *Studies in Comparative International Development*, 1996, V. 31, I. 2, pp. 3–36. DOI: 10.1007/BF02719326.
12. Aslanidis P. Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective, *Political Studies*, 2016, V. 64, I. 1, pp. 88-104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224.
13. Boix C., Miller M., Rosato S. A Complete Data Set of Political Regimes 1800–2007, *Comparative Political Studies*, 2012, V. 20, I. 10, pp. 1–32. DOI: 10.1177/0010414012463905.
14. Bosch J. Van den. Mapping Political Regime Typologies, *Przegląd Politologiczny*, 2014, I. 4, pp. 111–124. DOI: 10.14746/pp.2014.19.4.8.
15. Cassani A. Hybrid what? Partial consensus and persistent divergences in the analysis of hybrid regimes, *International Political Science Review*, 2013, V. 35, I. 5, pp. 542-558. DOI: 10.1177/0192512113495756.
16. Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R. Democracy and dictatorship revisited, *Public Choice*, 2010, V. 143, I. 1/2, pp. 67-101. DOI: 10.1007/s11127-009-9491-2.
17. Domingues J.M. Political Regimes and Advanced Liberal Oligarchies, *Constellations*, 2018, V. 26, I. 1, pp. 78–93. DOI: 10.1111/1467-8675.12379.
18. Gagnon J.-P., Beusoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. What is Populism? Who is the Populist? *Democratic Theory*, 2018, V. 5, I. 2, pp. VI–XXVI. DOI: 10.3167/dt.2018.050201.
19. Gasiorowski M.J. An overview of the political regime change dataset, *Comparative Political Studies*, 1996, V. 29, I. 4, pp. 469–483. DOI: 10.1177/0010414096029004004.
20. Hadenius A., Teorell J. Pathways from authoritarianism, *Journal of Democracy*, 2007, V. 18, I. 1, pp. 143–157. DOI: 10.1353/jod.2007.0009.

21. Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns, *American Sociological Review*, 1989, V. 54, I. 1, pp. 17-32. DOI: 10.2307/2095659.
22. Kailitz S. Classifying political regimes revisited: legitimation and durability, *Democratization*. 2013, V. 20, I. 1, pp. 39–60. DOI: 10.1080/13510347.2013.738861.
23. Kitschelt H. Political Regime Change: Structure and Process-Driven Explanations? *American Political Science Review*, 1992, V. 86, I. 4, pp. 1028-1034. DOI: 10.2307/1964354.
24. Lasswell H. *The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis*, College Park, Maryland, University of Maryland Press Publ., 1956, 23 p.
25. Levitsky S., Way L.A. *Competitive Authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War*, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2010, 536 p. DOI: 10.1017/CBO9780511781353.
26. Linz J.J., Stepan A. *Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America, and post-communist Europe*, Baltimore, Johns Hopkins University Press Publ., 1996, 504 p.
27. Lührmann A., Tannenberg M., Lindberg S.I. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes, *Politics and Governance*, 2018, V. 6, I. 1, pp. 1-18. DOI: 10.17645/pag.v6i1.1214.
28. Ruijgrok K. From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes, *Democratization*, 2017, V. 24, I. 3, pp. 498-520. DOI: 10.1080/13510347.2016.1223630.
29. Sartori G. *The theory of democracy revisited*. Chatham, NJ, Chatham House Publ., 1987, 542 p.
30. Schedler A. *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*, L., Lynne Rienner Publ., 2006. 267 p.
31. Schmidtke H. Elite legitimation and delegitimation of international organizations in the media: Patterns and explanations, *The Review of International Organizations*, 2019, V. 14, I. 4, pp. 633–659. DOI: 10.1007/s11558-018-9320-9.
32. Skaaning S. Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework, *CDDRL Working Papers*. Freeman Spogli Institute for International Studies, Stanford, Stanford University Publ., 2006, pp. 13-15.
33. Speier H. International Political Communication: Elite vs. Mass, *World Politics*, 1952, V. 4, I. 3, pp. 305-317. DOI: 10.2307/2009125.
34. You Y., Wang Z. (n.d.). The Internet, political trust, and regime types: A cross-national and multilevel analysis, *Japanese Journal of Political Science*, 2019, Sep. 14, pp. 1-22, DOI: 10.1017/S1468109919000203.